

УДК 347.61/64:340.151(575.2)
DOI: 10.36979/1694-500X-2026-26-7-58-65

СЕМЕЙНОЕ НАСИЛИЕ В ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ: ОТ ПАТРИАРХАЛЬНОЙ НОРМЫ К ОБЪЕКТУ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ЗАЩИТЫ

Г.Б. Жунушова, У.Т. Абдылдаев, А.М. Араб

Аннотация. Исследуются правовые основы и статистические показатели семейного насилия в Кыргызской Республике, а также дается его криминологическая характеристика. Отмечается, что семейное насилие является одной из значимых социально-правовых проблем современного общества и затрагивает широкие слои населения. Приводятся данные о росте количества зарегистрированных фактов семейного насилия в последние годы и низком уровне привлечения виновных лиц к уголовной ответственности. Анализируются типичные особенности преступлений семейного насилия, включая их субъектный состав, мотивы, динамику и причины совершения. Оценивается эффективность мер предупреждения семейного насилия и уголовно-правовой защиты, выявляются существующие недостатки. Сформулированы предложения, направленные на повышение результативности противодействия семейному насилию.

Ключевые слова: семейное насилие; криминологическая характеристика; правовая база; предупреждение; уголовная ответственность; Кыргызстан.

ТАРЫХЫЙ-УКУКТУК РЕТРОСПЕКТИВАДАГЫ ҮЙ-БҮЛӨЛҮК ЗОМБУЛУК: ПАТРИАРХАЛДЫК НОРМАДАН МАМЛЕКЕТТИК КОРГООНУН ОБЪЕКТИСИНЕ ЧЕЙИН

Г.Б. Жунушова, У.Т. Абдылдаев, А.М. Араб

Аннотация. Бул макалада Кыргыз Республикасындагы үй-бүлөлүк зомбулуктун укуктук негиздери жана статистикалык көрүнүшү иликтенип, анын криминологиялык мүнөздөмөсү берилген. Үй-бүлөлүк зордук-зомбулук коомдун маанилүү социалдык-укуктук көйгөйү экендиги белгиленип, калктын кеңири бөлүгүнө таасир этери белгиленген. Акыркы жылдары үй-бүлөлүк зомбулук боюнча катталган учурлардын өсүшү жана күнөөлүүлөрдүн кылмыш жоопкерчилигине тартылышынын төмөн пайызы боюнча маалыматтар келтирилген. Үй-бүлөлүк зомбулук кылмыштарынын типтүү өзгөчөлүктөрү (субъектилери, түрткүлөрү, динамикасы, себептери) талдоого алынган. Үй-бүлөлүк зомбулукту алдын алуу чараларынын жана кылмыш-укуктук коргоонун натыйжалуулугу бааланып, алардын кемчиликтери аныкталды. Маселени чечүүнүн натыйжалуулугун жогорулатуу боюнча сунуштар берилген. Макаланы даярдоодо ушул көйгөй боюнча актуалдуу изилдөөлөрдүн жыйынтыктары, расмий отчеттордун маалыматтары жана эл аралык стандарттар эске алынган.

Түйүндүү сөздөр: үй-бүлөлүк зомбулук; криминологиялык мүнөздөмө; укуктук база; алдын алуу; кылмыш жоопкерчилиги; Кыргызстан.

DOMESTIC VIOLENCE IN HISTORICAL AND LEGAL RETROSPECTIVE: FROM A PATRIARCHAL NORM TO AN OBJECT OF STATE PROTECTION

G.B. Zhunushova, U.T. Abdylдаev, A.M. Arab

Abstract. The article examines the legal framework and statistical indicators of domestic violence in the Kyrgyz Republic and provides its criminological characterization. It is noted that domestic violence is a significant social and legal problem in modern society, affecting broad segments of the population. The paper presents data on the increase in registered cases of domestic violence in recent years and the low percentage of offenders being brought to criminal liability. The typical features of domestic violence crimes are analyzed, including their subjects, motives, dynamics, and causes. The effectiveness of preventive measures and criminal law protection against domestic violence is assessed,

and existing shortcomings are identified. Recommendations aimed at improving the effectiveness of combating domestic violence are proposed.

Keywords: domestic violence; criminological characteristics; legal framework; prevention; criminal liability; Kyrgyzstan.

В условиях современного общества насильственные формы поведения всё чаще используются как универсальный инструмент разрешения политических, этнических и религиозных противоречий. Многочисленные и широко известные примеры подобных конфликтов свидетельствуют о том, что применение силы постепенно утрачивает статус исключительного явления и начинает восприниматься как допустимый способ достижения целей. В научной среде всё более распространённой является точка зрения о том, что насилие перестаёт быть исключительно средством реализации противоправных интересов отдельных лиц и всё чаще закрепляется в общественном сознании как устойчивая модель поведения, приобретающая признаки социальной нормы [1, с. 4].

Французский исследователь Норбер Рулан обращает внимание на то, что применение насилия нередко сопровождает процесс урегулирования внутрисоциальных противоречий и встречается столь регулярно, что возникает закономерный вопрос о его месте в структуре общественных отношений и степени его «нормализации» в социальной среде [2, с. 166].

В условиях современного этапа развития общества особую актуальность приобретает проблема семейного насилия, которая в последние годы привлекает повышенное внимание исследователей и практиков и, как отмечает Л.Ч. Сыдыкова, «семейное насилие с нанесением систематических побоев стало достаточно распространённым явлением в социуме» Кыргызской Республики [3, с. 112].

Историческое развитие семейных отношений на протяжении веков демонстрирует устойчивую тенденцию подчинённого положения женщины в семье. Несмотря на закрепившийся в общественном сознании образ женщины как хранительницы домашнего очага, фактически большинство древних правовых систем ограничивали её права и ставили в зависимость от мужчины.

Даже римское право, считавшееся прогрессивным для своего времени, закрепляло правовую несамостоятельность женщины. В Древнем Риме она находилась под властью отца либо мужа, а её поведение строго регламентировалось общественными и правовыми нормами. Это прямо отражено в Законах XII таблиц (табл. 5, ст. 1): «Древние пожелали, чтобы даже совершеннолетние женщины, вследствие присущего им легкомыслия, состояли под опекою» [4, с. 207].

Фактическое неравенство супругов проявлялось и в брачно-семейных отношениях. Муж обладал правом единолично решать судьбу брака, тогда как женщина не могла самостоятельно его расторгнуть. Ограниченность правового статуса проявлялась и в семейной сфере: муж мог единолично принять решение о прекращении совместного проживания и фактически удалить жену из дома. Это иллюстрирует пример, приводимый в Законах XII таблиц (табл. 4, ст. 3): «приказал своей жене взять принадлежащие ей вещи и, отняв у нее ключ, изгнал ее» [4, с. 86].

Нормы морали и права допускали суровые меры воздействия на женщин за поведение, считавшееся нарушением супружеской верности. По свидетельству Плутарха (биография «Тесей и Ромул»), в римской семейной практике обсуждение супружеской неверности или употребления вина могло выноситься на семейный совет и приводить к смертной казни [5, с. 16].

Воля отца имела приоритет и при выборе будущего супруга; это прямо оговаривается в Дигестах Юстиниана (кн. 23, ст. 12, § 1): «Но лишь тогда дочери предоставляется возможность возражать против воли отца, когда отец выбрал ей жениха, недостойного по своим нравам или позорного» [6, с. 331].

Таким образом, исторически женщина рассматривалась как зависимый субъект семейных отношений, лишённый самостоятельности и гражданских прав. Подобные представления веками формировали терпимость к насилию в семье и закрепляли доминирующую роль мужчины.

Современное общество рассматривает семейное насилие как пережиток прошлого, противоречащий принципам равенства и прав человека.

В Кыргызской Республике (далее – КР) данная проблема получила правовую оценку и стала объектом уголовно-правового и профилактического воздействия, что обуславливает необходимость её криминологического осмысления и разработки эффективных мер предупреждения.

Таким образом, исторически женщина рассматривалась как зависимый субъект семейных отношений, лишённый самостоятельности и гражданских прав. Подобная правовая и социальная модель формировала устойчивое представление о допустимости принуждения и подавления в семейной сфере, что со временем трансформировалось в одну из наиболее латентных форм социального неблагополучия – насилие в семье.

Именно поэтому для дальнейшего анализа проблемы представляется необходимым обратиться к сущности и содержанию самого понятия «насилие».

Понятие «насилие» носит междисциплинарный характер и в разных сферах знаний раскрывается через различные смысловые акценты. В правовой плоскости насилие традиционно рассматривается как форма противоправного принуждения, выражающаяся в физическом, психическом либо ином силовом воздействии на лицо с целью подавления его воли и навязывания определённого поведения. Лексикографические источники (в частности, словарь С.И. Ожегова) связывают данный термин прежде всего с принудительным воздействием. Психологический подход, в отличие от лексикографического, описывает насилие как намеренные действия, наносящие человеку ущерб – телесный, эмоциональный или социальный. Научная литература дополнительно подчёркивает, что насилие может выражаться не только в физическом воздействии, но и в формах психологического давления и контроля, включая ограничение автономии личности [7].

В работах И.Д. Бадамшина и Ф.Ф. Набиева «домашнее» и «бытовое» насилие рассматриваются как проявления одного явления – семейного

насилия. Под ним авторы понимают повторяемые формы физического либо психического воздействия внутри семьи, которые сопровождаются угрозами и принуждением, затрагивают достоинство и права человека и возникают на фоне внутрисемейных/бытовых конфликтов, не будучи обусловлены служебной или профессиональной сферой [8, с. 70]. Определяющим здесь является повторяемость: насильственные практики закрепляются как устойчивый элемент дисфункционального внутрисемейного взаимодействия.

Поворотным моментом для кыргызского законодательства стало появление специального Закона Кыргызской Республики «О социально-правовой защите от насилия в семье» (далее – Закон). Данный нормативный правовой акт заложил основы государственной политики в области защиты членов семьи от насильственных посягательств и обозначил признание семейного насилия социально опасным явлением, требующим комплексного правового регулирования [9].

В статье 1 Закона были закреплены основные понятия, включая определение насилия в семье, а также раскрыты его формы – физическое, психическое и сексуальное. Тем самым был сформирован единый понятийный аппарат, необходимый для правоприменительной практики и профилактической деятельности.

Цели правового регулирования в данной сфере были определены в статье 2, где акцент сделан на обеспечении охраны жизни и здоровья членов семьи, создании условий для безопасных и устойчивых семейных отношений, а также особой защите несовершеннолетних и пожилых лиц.

Кроме того, в статье 4 были закреплены ключевые принципы государственной политики в данной области – законность, гуманизм, профилактическая направленность, конфиденциальность и ответственность за совершённое насилие.

Существенные вопросы вызывает практическая реализация отдельных норм данного Закона, в частности положений ст. 6, закрепляющей права пострадавшего от семейного насилия. Формально данная статья предусматривала широкий перечень гарантий. В числе закреплённых

гарантий – обращение за защитой в органы правопорядка, доступ к медицинской помощи и мерам срочной защиты (охранные ордера), а также опционально – размещение в безопасном месте/социальном учреждении.

Однако именно реализация последнего права на практике вызывала наибольшие затруднения. Несмотря на наличие законодательного предписания, в период действия Закона 2003 года в Кыргызской Республике фактически отсутствовали специализированные государственные убежища, предназначенные для временного размещения лиц, пострадавших от семейного насилия. Функции безопасного размещения в основном осуществлялись негосударственными кризисными центрами и общественными организациями, деятельность которых носила ограниченный, проектный или донорский характер и не могла рассматриваться как полноценная государственная система социальной защиты.

Таким образом, анализ Закона КР «О социально-правовой защите от насилия в семье» позволяет сделать вывод о том, что провозглашение прав пострадавших от семейного насилия без одновременного формирования материально-организационной базы снижает эффективность правового регулирования и ограничивает практическую защиту наиболее уязвимых категорий лиц.

Несмотря на прогрессивную направленность и заявленные задачи, Закон не обеспечивал полноценного правоприменительного механизма, не содержал проработанного механизма координации: отсутствие процедур «кто, что, когда делает» снижало практическую применимость норм и оставляло правоприменение фрагментарным.

На практике причинение вреда здоровью в семейных конфликтах оценивалось через общие составы уголовного закона: применялись статьи о побоях, причинении вреда различной тяжести и истязании, без специального учёта характера связи «семья» между участниками.

Существенные изменения в правовом регулировании ответственности за насилие в семейно-бытовой сфере в Кыргызской Республике были связаны с уголовно-правовой реформой 2017 года. В рамках данной реформы Законом

Кыргызской Республики от 24 января 2017 года № 10 «О введении в действие Уголовного кодекса Кыргызской Республики, Кодекса Кыргызской Республики о проступках, Уголовно-процессуального кодекса Кыргызской Республики, Уголовно-исполнительного кодекса Кыргызской Республики, Закона Кыргызской Республики “Об основах амнистии и порядке ее применения”» [10] был введён в действие Кодекс Кыргызской Республики о проступках от 1 февраля 2017 года № 18 [11].

Принятие Кодекса Кыргызской Республики о проступках позволило законодательно выделить особую категорию противоправных деяний, не достигающих уровня преступления, но требующих самостоятельного правового реагирования со стороны государства. В Кодексе о проступках была выделена специальная статья, ориентированная на внутрисемейные посяательства: под семейным насилием описывались умышленные действия члена семьи (или приравненного лица) в отношении другого, нарушающие его права и свободы и вызывающие физические/психические страдания либо вред развитию. Как санкции предусматривались штраф либо общественные работы [11].

Закон КР от 27 апреля 2017 года № 63 «Об охране и защите от семейного насилия» (п. 7 ст. 1) расширяет понятие «членов семьи» за счёт приравненных лиц: к ним отнесены, в частности, лица, состоящие (или состоявшие) в фактических брачных отношениях, а также некоторые категории родственников и лиц, связанных обязанностями содержания нетрудоспособных/несовершеннолетних; при этом совместное проживание не является обязательным критерием [12].

В связи с принятием Закона КР от 28 октября 2021 года № 126 «О введении в действие Уголовного кодекса Кыргызской Республики, Уголовно-процессуального кодекса Кыргызской Республики, Кодекса Кыргызской Республики о правонарушениях и внесении изменений в некоторые законодательные акты Кыргызской Республики» утратил силу Кодекс КР о проступках 2017 года [13]. Вместо него с 28 октября 2021 года вступил в силу Кодекс Кыргызской Республики о правонарушениях.

После введения Кодекса о правонарушениях (далее – КоП КР) ответственность за семейное насилие стала регулироваться через сочетание норм Кодекса о правонарушениях и Уголовного кодекса, разграничиваемых по юридически значимым признакам состава [14]. При этом нормы Кодекса о правонарушениях и Уголовного кодекса Кыргызской Республики регулируют ответственность за семейное насилие с учётом различных юридически значимых признаков состава деяния.

Статья 70 КоП КР относит к семейному насилию умышленные формы физического, психологического или экономического воздействия, а также угрозы, преследование и пренебрежительное обращение в отношении члена семьи (или приравненного лица). Для квалификации по этой норме критичен сам факт совершения указанных действий: доказывание вреда здоровью (включая менее тяжкий) не требуется.

В отличие от этого, статья 177 Уголовного кодекса Кыргызской Республики (далее – УК КР) связывает наступление ответственности не только с фактом применения насилия, но и с обязательным наступлением последствий. Согласно данной норме, уголовно-правовую оценку получают лишь такие умышленные действия одного члена семьи или приравненного к нему лица в отношении другого, которые причинили физические или психические страдания либо нанесли вред физическому или психическому развитию и повлекли менее тяжкий вред здоровью. Таким образом, наличие менее тяжкого вреда здоровью выступает квалифицирующим и обязательным признаком состава преступления, без которого применение статьи 177 УК КР невозможно [15].

Следовательно, принципиальное разграничение норм Кодекса о правонарушениях и Уголовного кодекса Кыргызской Республики заключается в наличии либо отсутствии последствий в виде менее тяжкого вреда здоровью: при отсутствии такого вреда ответственность наступает в соответствии со ст. 70 КоП КР, тогда как его наличие образует состав преступления, предусмотренного ст. 177 УК КР.

Анализ официальной статистической информации органов внутренних дел Кыргызской Республики свидетельствует о том, что проблема

семейного насилия сохраняет устойчивую тенденцию к росту, несмотря на последовательное развитие и детализацию нормативно-правовой базы в данной сфере. Согласно внутриведомственной аналитической отчётности Министерства внутренних дел КР, за 11 месяцев 2025 года в электронном журнале учета информации органов внутренних дел было зарегистрировано 19 995 фактов семейного насилия, тогда как за аналогичный период предыдущего года данный показатель составлял 15 675 случаев. Таким образом, рост составил 4 320 фактов, или 27,5 %.

Отмеченная динамика позволяет констатировать, что принятые в последние годы законодательные меры, направленные на профилактику, пресечение и ответственность за насилие в семье, сами по себе не обеспечили снижения уровня рассматриваемых правонарушений. Более того, увеличение количества зарегистрированных фактов свидетельствует либо о реальном росте насильственных проявлений в семейно-бытовой сфере, либо о сочетании данного роста с повышением выявляемости и обращаемости пострадавших в правоохранительные органы.

Показательным является и объём применения мер срочной защиты. За отчётный период органами внутренних дел было выдано 15 821 временный охранный ордер, что существенно превышает аналогичные данные предыдущего года. При этом в 94 % случаев охранные ордера были вынесены в отношении мужчин, и лишь в 6,1 % – в отношении женщин, что указывает на выраженную гендерную асимметрию субъектов семейного насилия.

Одновременно число пострадавших женщин составило 14 587, мужчин – 820, несовершеннолетних – 414, что подчёркивает высокую уязвимость именно женщин и детей в структуре внутрисемейного насилия.

Данные о правоприменительной практике также демонстрируют значительный объём административного реагирования. Так, за 11 месяцев 2025 года по фактам семейного насилия было составлено 5 056 протоколов по статье 70 Кодекса Кыргызской Республики о правонарушениях, из которых 4 836 направлены в суд. По результатам их рассмотрения судами применялись меры в виде общественных работ

и административного ареста, что свидетельствует о достаточно активном использовании предусмотренных законом санкций.

Наряду с этим зарегистрировано 519 случаев семейного насилия, по которым были возбуждены уголовные дела. В структуре уголовно наказуемых деяний значительную долю составляют преступления против жизни и здоровья, а также преступления против половой неприкосновенности, включая убийства, причинение тяжкого и менее тяжкого вреда здоровью, истязания, изнасилования и иные насильственные действия сексуального характера.

Сам факт сохранения стабильно высокого числа уголовных дел в данной сфере свидетельствует о том, что семейное насилие продолжает носить не эпизодический, а системный характер.

В совокупности приведённые данные позволяют сделать вывод, что рост зарегистрированных фактов семейного насилия не может быть объяснён исключительно недостатками либо пробелами правового регулирования. Напротив, законодательство Кыргызской Республики в последние годы последовательно развивалось в сторону расширения гарантий защиты пострадавших и усиления ответственности за насильственные действия в семье.

Следует отметить, что, несмотря на последовательное совершенствование нормативно-правовой базы в сфере противодействия семейному насилию, практика реализации отдельных гарантий по-прежнему остаётся проблемной. Так, в соответствии с Законом КР «Об охране и защите от семейного насилия» [12], пострадавшим лицам было предоставлено право на незамедлительное помещение в безопасное место либо убежище с их согласия. В частности, ст. 24 указанного Закона относит к мерам пресечения семейного насилия незамедлительное помещение лица, жизни и здоровью которого угрожает опасность либо в отношении которого установлен высокий риск повторного насилия, в безопасное место либо убежище.

Формально данные положения свидетельствуют о расширении государственных гарантий защиты жертв семейного насилия и ориентации законодательства на превентивный и социально-защитный подход. Однако на практике

реализация указанной меры сталкивается с существенными ограничениями. Как отмечалось ранее, в Кыргызской Республике до настоящего времени отсутствуют государственные или муниципальные приюты, функционирующие в качестве специализированных убежищ для временного и безопасного проживания пострадавших от семейного насилия, несмотря на прямое нормативное закрепление такой обязанности государства.

В результате предусмотренное законом право на бесплатное размещение в приюте носит во многом формальный характер и не обеспечено необходимой организационной и материальной инфраструктурой. Фактическое исполнение данных функций по-прежнему возлагается преимущественно на негосударственные кризисные центры, деятельность которых не может в полной мере компенсировать отсутствие системного государственного механизма защиты.

Таким образом, даже при наличии развитой и детализированной нормативной базы, эффективность противодействия семейному насилию существенно снижается в условиях разрыва между законодательным регулированием и реальными возможностями его практической реализации, что подтверждает необходимость анализа причин роста семейного насилия не только в правовой, но и в социально-организационной плоскости.

Следовательно, причины сохраняющегося и возрастающего уровня семейного насилия лежат не только в сфере правового регулирования, но и в плоскости социальных, экономических, психологических и культурно-ментальных факторов. К числу таких факторов относятся устойчивость патриархальных моделей семейных отношений, низкий уровень правовой культуры, экономическая и социальная зависимость пострадавших лиц, а также недостаточная развитость профилактических и реабилитационных механизмов.

Исторически сложившееся патриархальное устройство семейных отношений в Кыргызской Республике во многих случаях формирует у основных жертв семейного насилия, прежде всего женщин, установку на терпимость к противоправному поведению и фактически препятствует

обращению за защитой в предусмотренные законом органы.

В условиях доминирования традиционных представлений о роли мужчины и женщины насилие нередко воспринимается как «внутрисемейное дело», что способствует его латентности и воспроизводству.

В этой связи повышение эффективности противодействия семейному насилию требует применения комплексных мер, выходящих за рамки исключительно уголовно-правового реагирования и мер ответственности за правонарушения, предусмотренные Кодексом Кыргызской Республики о правонарушениях. Существенное значение имеет формирование устойчивой системы социальной защиты пострадавших, прежде всего посредством создания сети государственных убежищ и обеспечения стабильного государственного финансирования специализированных кризисных центров, способных предоставлять временное безопасное проживание, а также психологическую, медицинскую и правовую помощь.

Не менее важным направлением является реализация системных образовательных и профилактических программ, ориентированных на трансформацию укоренившихся традиционных и патриархальных установок, оправдывающих насилие в семейных отношениях. Подобные программы должны быть направлены на повышение уровня правовой культуры населения, формирование нетерпимого отношения к насилию и развитие навыков ненасильственного разрешения внутрисемейных конфликтов.

Кроме того, значительную роль в предупреждении семейного насилия играет укрепление социально-экономической поддержки семей, находящихся в кризисной жизненной ситуации. Снижение уровня материальной зависимости, расширение доступа к мерам социальной помощи и содействие экономической самостоятельности уязвимых категорий населения способны существенно снизить риск воспроизводства насильственных моделей поведения в семье.

Подводя итоги, можно отметить, что эффективное противодействие семейному насилию в Кыргызской Республике требует комплексного подхода. Только сочетание мер уголовной

и административной ответственности с развитой системой социальной поддержки, образовательными и профилактическими программами, а также укреплением экономической самостоятельности уязвимых категорий населения способно создать безопасные условия для всех членов семьи.

Особое значение имеет формирование нетерпимого отношения к насилию и развитие навыков ненасильственного разрешения внутрисемейных конфликтов, что способствует снижению риска повторного насилия и укреплению правовой и социальной защищенности граждан.

Поступила: 25.02.2026;

рецензирована: 11.03.2026; принята: 13.03.2026.

Литература

1. *Иванова В.В.* Преступное насилие: учебное пособие / В.В. Иванова. М., 2002. 83 с.
2. *Рулан Н.* Юридическая антропология / Н. Рулан. М.: Норма, 1999. 310 с.
3. *Сыдыкова Л.Ч.* Ответственность за семейное насилие в новом законодательстве Кыргызской Республики / Л.Ч. Сыдыкова, И.В. Летова // Вестник КРСУ. 2022. Т. 22. № 7.
4. Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран: в 2 т. / отв. ред. Н.А. Крашенинникова. Т. 1: Древний мир и Средние века. М.: Норма, 2007. 816 с.
5. *Бесецкая Н.А.* Римское гражданское право: учебно-методический комплекс для студентов юридических специальностей / Н.А. Бесецкая. Новополоцк: Полоцкий государственный университет, 2008. 348 с.
6. *Плутарх.* Сравнительные жизнеописания: в 2 т. Т. 2. М.: Наука, 1994. 608 с.
7. *Ожегов С.И.* Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова; Рос. акад. наук, Ин-т рус. яз. им. В.Б. Виноградова. 4-е изд., доп. М.: Азбуковник, 1997. 874 с.
8. *Бадамшин И.Д.* Семейно-бытовое насилие: понятие, виды, причины / И.Д. Бадамшин, Ф.Ф. Набиев // Общество, право, государственность: ретроспектива и перспектива. 2020. № 2 (2).
9. Закон Кыргызской Республики от 25 марта 2003 года № 62 «О социально-правовой защите от насилия в семье». Утратил силу в соответствии с Законом Кыргызской Республики от 27 апреля 2017 года № 63 «Об охране и защите от семейного насилия». URL: <https://cbd>.

- minjust.gov.kg/4-1133/edition/798158/ru (дата обращения: 01.01.2026).
10. Закон Кыргызской Республики от 24 января 2017 года № 10 «О введении в действие Уголовного кодекса Кыргызской Республики, Кодекса Кыргызской Республики о проступках, Уголовно-процессуального кодекса Кыргызской Республики, Уголовно-исполнительного кодекса Кыргызской Республики, Закона Кыргызской Республики “Об основах амнистии и порядке ее применения”». URL: <https://cbd.minjust.gov.kg/4-2514/edition/14065/ru> (дата обращения: 05.01.2026).
 11. Кодекс Кыргызской Республики о проступках от 1 февраля 2017 года № 18. URL: <https://cbd.minjust.gov.kg/111529/edition/1107370/ru> (дата обращения: 10.01.2026).
 12. Закон Кыргызской Республики от 27 апреля 2017 года № 63 «Об охране и защите от семейного насилия». URL: <https://cbd.minjust.gov.kg/111570/edition/14086/ru> (дата обращения: 13.01.2026).
 13. Закон Кыргызской Республики от 28 октября 2021 года № 126 «О введении в действие Уголовного кодекса Кыргызской Республики, Уголовно-процессуального кодекса Кыргызской Республики, Кодекса Кыргызской Республики о правонарушениях и внесении изменений в некоторые законодательные акты Кыргызской Республики». URL: <https://cbd.minjust.gov.kg/112305/edition/1127825/ru> (дата обращения: 20.01.2026).
 14. Кодекс Кыргызской Республики о правонарушениях от 28 октября 2021 года № 128. URL: <https://cbd.minjust.gov.kg/3-36/edition/2102/ru> (дата обращения: 23.01.2026).
 15. Уголовный кодекс Кыргызской Республики от 28 октября 2021 года № 127. URL: <https://cbd.minjust.gov.kg/3-38/edition/2087/ru> (дата обращения: 30.01.2026).